

*Сердечно посвящаю эту книгу
моей дорогой семье,
моей жене Марии Петровне
и дочерям Анастасии Ивановне
и Марии Ивановне,
усердно помогавшим мне
в моих кропотливых работах*

ПРЕДИСЛОВИЕ

редлежащая книга составляет вводную часть к труду, который — как дальнейшее развитие изысканий автора по истории русского домашнего быта вообще¹ — предпринят был благодаря живому участию в этом деле покойного Василия Андреевича Дашкова, предложившего этот труд автору еще в 1871 г. с необходимыми материальными средствами для исполнения работы и для ее издания в свет.

Заглавие книги вполне обозначает цели и задачи настоящего труда. Но выполнение этих задач, конечно, требует не тех сил, какими обладает автор. Его работа во всяком случае будет только попыткой уяснить себе эти самые цели и задачи, ибо легко ставить вопрос и вовсе не легко самим исследованием определить пространство и качество разработки этого вопроса. Понятие о жизни чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопределенно, поэтому немалый труд для исследователя заключается уже в одном только раскрытии основных положений, способных пролить какой-либо свет на необозримый материал, оставленный прожитою жизнью.

Жизнь народа в своем постепенном развитии всегда и неизменно руководится своими идеями, которые дают народному телу известный образ и известное устройство. Разработка истории стремится найти такие идеи в общей жизни народа, в его политическом или государственном и общественном устройстве. Но мелочный повседневный частный быт точно так же всегда складывается в известные круги, необходимо имеющие свои средоточия, которые иначе можно также именовать идеями. Если подобные мелкие круги народного быта не могут составлять предмета истории в собственном смысле, то для истории народной жизни они суть прямое и необходимое ее содержание. Раскрыть эти частные мелкие жизненные идеи — вот, по нашему мнению, прямая задача для исследователя народной жизни. Но само собою разумеется, что попытаться до этих идей возможно только посредством разнородных и разнообразных свидетельств самой же исчезнувшей жизни. Здесь и представляется беспредельное необозримое поле для изысканий, на котором вдобавок не все то возделано, чего требует именно история жизни.

Вместе с тем изыскателя русской бытовой древности на первых же порах изумляет то обстоятельство, что русский человек, относительно своей культуры, или исторической и бытовой выработки, и в ученых исследованиях, и в сознании образованного общества представ-

¹«Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц». (Изд. 3-е. М., 1895 и 1901 гг.)

ляется, в сущности, пустым местом, чистым листом бумаги, на котором по воле исторических, географических, этнографических и других всяких обстоятельств всякие народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и искусства, даже народные эпические песни и т. д., то есть всякие народности, как бы не было незначительно их собственное развитие, являлись, однако, образователями и возделывателями всего того, чем живет русское племя до сих пор. Так все это представляется простому читателю, приходящему в пантеон нашей исследовательности, так сказать, со свежего воздуха, от простого здравого смысла.

В самом деле, до сих пор достоверно и без боязни никто не может сказать, находится ли что в русском быту собственно русское, самостоятельное и самобытное. В рассуждениях и исследованиях о том, откуда что взялось в русской старине и древности, оказывается, что русский своего ничего не имеет: все у него чужое, заимствованное у финнов, у норманнов, у татар, у немцев, французов и т. д. Русская страна для русского, как свидетельствует история, — чужая страна. Он откуда-то пришел в нее сравнительно в очень позднее время, чуть не накануне призвания варягов, ибо до прихода Рюрика нигде не видать, даже и в курганах, никакого следа русской древности. Да и в Рюриков век виднеются все одни норманнские, или финские, или другие какие следы, но отнюдь не русские в смысле русского славянства. А между тем, благодаря даже всемирной выставке в Париже, на которой боязливо было представлено на общий европейский суд так называемое русское древнее искусство (орнамент), рассудительные и знающие европейцы с особенным вниманием и любопытством отнеслись к своеобразию и самобытности этого искусства и засвидетельствовали, что до тех пор ничего подобного они не примечали нигде. С того времени мало-помалу в Европе стала расти мысль, что в ряду самобытной выработки искусства у разных народов есть, существуют признаки и самобытного русского искусства. Очень может случиться, что об этом впервые со всеми подробностями и со всеми доказательствами мы узнаем от французов или немцев, ибо собственными исследованиями до такой не предубежденной истины дойти нам очень трудно. Наш ученый исторический и археологический кругозор стеснен до крайности. Дальше варягов в образе норманнов и кроме таких варягов мы ничего не можем рассмотреть. Между тем варяги-норманны, сколько бы их ни изучали, в сущности, объясняют весьма немногое и в нашей истории, и в нашей археологии. В этом очень скоро и легко убеждается каждый изыскатель, доходящий в своих изысканиях до этого знаменитого тупика нашей исследовательности. Вот непосредственная и первая причина такого множества мнений о происхождении Руси. Естественно, что та же причина заставила и автора настоящей книги отдать этому вопросу не последнее место. Быть может, увлекшись, он погрешил по этому поводу на многих страницах своей книги. Но этому варяжскому вопросу он придает большое культурное значение, как первому участнику в настройке на известный лад не только ученого, но и общественного воззрения на русскую древность и даже на русскую народность вообще.

Этот варяжский вопрос, стороною своего норманнского решения, яснее и достовернее всего свидетельствует, что русский человек в своей истории и культуре, в действительности, есть пустое место. Одно такое решение необходимо заставляет снова пересмотреть все то, на чем утверждается эта истина, ибо как-то не верится, чтобы здесь именно находилась вся правда нашей русской исторической жизни¹. Вот почему вслед за объяснением «Откуда идет русское имя», автор должен был представить, соответственно своим силам, короткий очерк «Истории Русской страны с самых древних времен». Такое именно введение в историю русской жизни он почитал решительно необходимым и неизбежным, руководясь тою простою истиною, что корни всякой исторической жизни всегда скрываются очень глубоко в отдаленных веках.

Вступив в эту древнейшую область с целью уяснить себе только русскую доисторическую старину, автор, конечно, не успел, да и не мог воспользоваться многим, что даже прямо относилось к его задачам. Он может только желать, чтобы на этот предмет обратил надлежащее внимание исследователь более сильный познаниями в этой области и более знакомый с источниками. «История Русской страны до варягов» — в настоящую минуту необходимейшая

¹ Приступив к печатанию своего труда еще в октябре 1875 г., автор относился теперь уже к покойному М. П. Погодину по необходимости спорно и с надеждою выслушать от него о варягах решительное слово, тем более что окончательные мнения уважаемого ученого склонялись отчасти в ту же сторону, где и автор этой книги предполагает найти истину.

книга, если обратить должное внимание на те требования, какие день за днем ставят науки антропологические.

«Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим».

Эти золотые слова сказаны уважаемыми нашими академиками, Бэрром и Шифнером, еще в 1861 г. («Северные древности Ворсо», 1861) по тому поводу, что «у нас, как они заметили, со времен Карамзина ревностно занимаются тою частью отечественной истории, которая основывается на письменных памятниках (и которая, необходимо прибавить, идет только от варягов); но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности», именно курганные древности, оставляют в сыром виде без надлежащей разработки.

Рассыпанные по нашей земле курганные древности скрывают в себе истинную, настоящую колыбель нашей народной жизни. Но они так разнообразны и разнородны и относятся к стольким векам и племенам, что сколько-нибудь рассудительная обработка их не может и начаться до тех пор, пока не будут собраны и сведены в одно целое именно письменные свидетельства об этих же самых курганах, то есть о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались. Каким образом мы станем объяснять курганные древности, когда вовсе не знаем или знаем очень поверхностно и неверно письменную историю нашей колыбели? Естественное дело, что прежде всего необходимо выслушать все рассказы, какие оставили нам о нашей колыбели античные греки и писатели римского и византийского веков. Это откроет нам глаза, способные с большим вниманием видеть и ценить немые памятники нашей колыбели; это же откроет новые двери и к разъяснению не только древнейшей нашей истории, но и многих поздних ее явлений и обстоятельств.

По общему плану своего труда автор не имеет ни сил, ни возможности входить в особые ученые исследования по всем тем вопросам, какие могут возникать и нарождаться из самого заглавия его книги. Он предполагает ограничиваться только наиболее существенными сторонами русской жизни, дабы по возможности провести свое обозрение русской истории до ближайших к нам времен. Он достигнет своей цели, если, хотя и в коротких очерках, успеет обозначить главнейшие корни и истоки русского развития, политического, общественного и домашнего, в его существенных формах и направлениях, с раскрытием его умственных и нравственных стремлений и бытовых порядков.

Так предполагал автор, но другие, столь же и еще более неотложные занятия увлекли его на иной путь разысканий и расследований.

С того времени, как вышло в свет первое издание этой книги, многие вопросы нашей древности, в особенности курганные расследования, ознаменовались великим накоплением голых фактов и рассуждений более или менее верных, а в иных случаях — способных доказывать, как истину, самые противоречивые мнения и заключения. С большим усердием мы вскрыли и постоянно вскрываем могилы древних обитателей нашей страны и все-таки достоверно не знаем, наши ли это предки, или они чужеродцы. История оставила нам множество народных имен, среди которых должны находиться и имена нашего русского славянства. Прямых свидетельств на это не имеем. Но косвенных указаний немало.

Пользуясь такими указаниями, автор представил попытку объяснить невнятные имена соответственно их географическому положению, что и было исполнено в третьей, ныне шестой, главе его труда. При этом автор должен выразить глубокую благодарность В. Н. Щепкину за переводы некоторых глав «Географии» Птолемея.

По обстоятельствам, не имея возможности воспользоваться накопленным сокровищем новых исследований, указаний, толкований, автор оставляет свой труд в прежнем виде и объеме, исправив встреченные погрешности и дополнив некоторые главы новыми сведениями и свидетельствами древних писателей, везде преследуя основную цель своих изысканий — раскрытие истории пребывания древнего славянства в пределах нашей Русской страны.

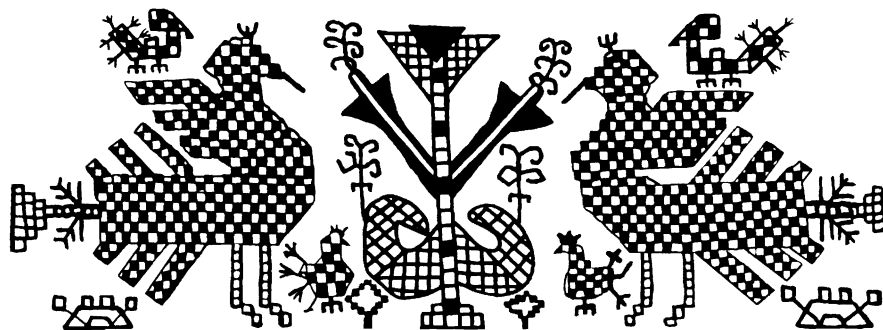
В высокой степени заботливо и усердно помогала автору в печатании этого второго издания предлежащей книги его дочь, Мария Ивановна, которой он приносит сердечнейшую благодарность.

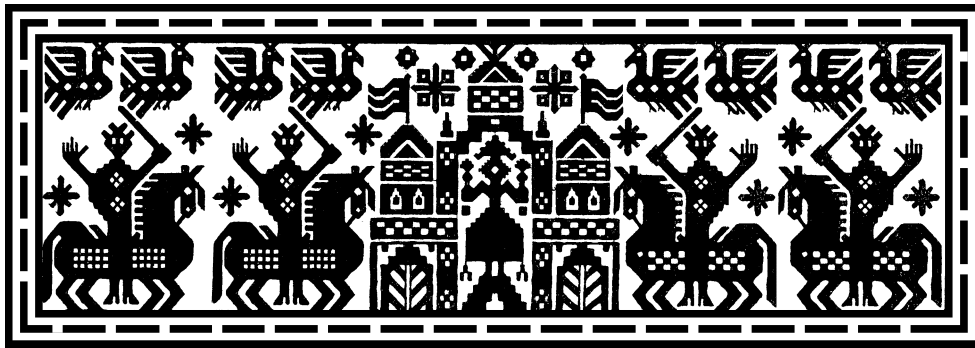
По убеждению автора, внимательное изучение свидетельств и показаний древней географии и этнографии достоверно выясняет ту неколебимую истину, что от глубокой

древности, по крайней мере от первого века до Р. Х. и от первого века по Р. Х., славянское племя в северной (Новгородской) области, а в южной (Киевской) области занимало господствующее положение, обозначаемое иногда греческим словом «василики», то есть «царюющие» — «сарматы-василики», «языги-василики».

Коренное общее, как говорит Птолемей, имя племени, по-видимому, принадлежало аланам (алаунам), населявшим самое нутро страны. От них южную половину страны занимали роксоланы, показавшие себя еще в войне с Митридатовыми полководцами, почти за сто лет до Р. Х. Северная половина страны именовалась славянами. Восточный Прикаспийский край именовался аорсами, аланорсами, что видоизменяет то же имя роксолан. Одним общим именем вся страна у римлян прозывалась, вместо прежней Скифии, Сарматиею, сокращенно от савроматов геродота; греки в слове «савро» сохранили славянское же имя «северо», обозначая этим именем славянское племя, владевшее Доном. Это могучее племя, под именем сарматов истребившее скифов и овладевшее их землями, заставило римлян именовать всю страну Сарматиею.

В то время как южная половина населения страны с именами сарматов и роксолан постоянно и немало беспокоила римлян по поводу налагаемой на них дани, северная половина, с именем славян, широко распространяла мирную колонизацию своего балтийского племени в глухих местах, по рекам и озерам финского населения. На это достоверно указывают многочисленные имена земли и воды, каковы имена велетов-волотов и имена словен, раскрывающих вместе с тем особые периоды колонизации, из которых более древний период принадлежит волотам, а от второго века по Р. Х. идет период словен, завершенный периодом словено-варяжским.

Глава I

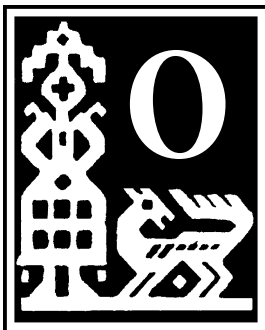
ПРИРОДА РУССКОЙ СТРАНЫ

Понятия древних о нашей стране. Ее различие от остального материка Европы.

Грудь Русской равнины. Русский вид-ландшафт. Русский мороз.

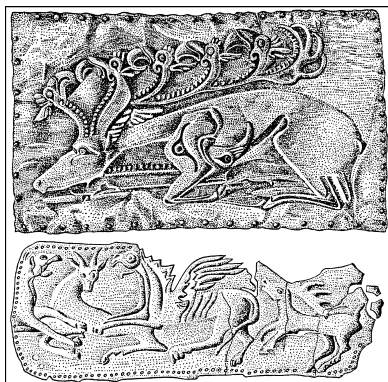
Лес и поле-степь. Свойства жизни в поле и в лесу.

Народные пути-дороги из нашей равнины в приморские и заморские страны Юга, Севера и Востока. Значение речного угла Оки и Волги

бширный восток Европы — Русская страна уже в глубокой древности отделялась от остальных европейских земель как особый своеобразный, совсем иной мир. Это была Скифия и Сарматия, безмерная и беспредельная пустыня, уходящая далеко к северу, где скрывался ужасный приют холода, где вечно шел хлопьями снег и страшно зияли ледяные пещеры бурных северных ветров. Там, в верху этой пустыни, по общему мнению древности, покоились крюки-замычки мира и оканчивался круг, по которому вращались небесные светила. Там солнце восходило только раз в год и день продолжался шесть месяцев; затем солнце заходило и наставала одна ночь, продолжавшаяся столько же времени. Счастливые обитатели той страны, гиперборейцы, как рассказывали, сеяли хлеб обыкновенно утром, жали в полдень, убирали плоды при закате солнца, а ночь проводили в пещерах. У этих гиперборейцев, на конце известного мира, древние помещали свои радужные мечты о счастливой и блаженной жизни и рисовали их страну и их быт теми блаженными свойствами, каких всегда себе желает и отыскивает человеческое воображение. Гиперборейцы обитали в приятнейшем климате, в стране изобильной всякими древами, цветами, плодами; жили в священных дубравах, не ведали ни скуки, ни скорби, ни болезни, ни раздоров; вечно веселились и радовались и умирали добровольно, лишь тогда, как вполне пресыщались жизнью: от роскошного стола, покрытого яствами и благовониями, пресыщенные старцы уходили на скалу и бросались в море.

Поэтам и стихотворцам вся наша страна представлялась покрытою вечным туманом, парами и обликами, сквозь которые никогда не проглядывало солнце и царствовала повсюду одна «гибельная» ночь. Свои понятия о свойствах природы на глубоком Севере они распространяли на всю страну и утверждали басню о киммерийском мраке, покрыв этим мраком даже светлую область Черноморья, где собственно и жили древние киммеряне.

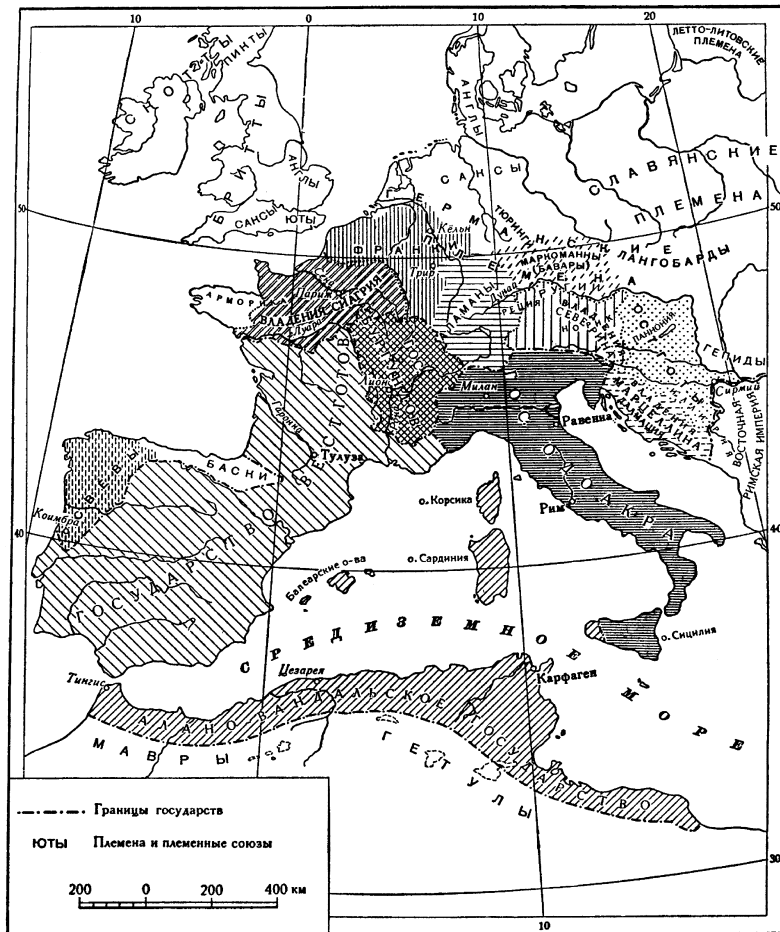

Пластины со скифских горитов для луков.

VI в. до н.э.

Несмотря на поэзию, древние, однако, достоверно знали, что далекий север нашей страны представлял, в сущности, мерзлую пустыню, покрытую ледяными скалами что в средней полосе находились безмерные болота и леса, а южный край расстилался беспредельною степью, в которой обитали скифы, народ славный, мудрый, непобедимый, обладавший чудным искусством в войне, ибо догнать и найти его в степи было невозможно, равно как невозможно было и уйти от него. В этом коротком очерке Скифской войны вполне и очень наглядно выразилось, так сказать, военное существо наших степей да и всей нашей страны, откуда не могли выбраться со славою ни Дарий Персидский, воевавший со скифами, ни Наполеон, предводитель галлов, двадцати язык, воевавший с Русскими.

Древние хорошо также знали, что страна наша очень богата такими дарами природы, каких всегда недоставало образованному и промышленному Югу. В их время отсюда, от Уральских гор, приходило к ним даже золото. Они знали, что днепровские и другие окрестные места славились чрезвычайным плодородием своей почвы и служили для них всегдашнею житницею; что в устьях больших рек, и особенно в Азовском море, которое прозывалось Матерью Понта, то есть Черного моря, ловилось невероятное множество рыбы, которая также составляла важнейший прирбок греческой торговли; что подалее на север в лесах водилось столько пчел, что, по рассказам, они заграждали пути к дальнейшим краям Севера; а от пчел приносилось новое изобилие меда и воска, доставлявшее точно так же великие прирбки южной торговле. Дальний Север больше всего славился мехами пушных зверей, которых там водилось такое же множество, как и пчел, и меха которых роскошными людьми ценились очень дорого, ибо употреблялись не только для богатой теплой одежды, но и для украшения одежд опушкою наравне с золотом. От устьев Дуная и до устья Дона наши берега были, можно сказать, усыпаны греческими поселками и городами, которые все и существовали и богатели только торговлею с нашим же краем.

Карта Западной Европы (конец V в. н. э.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава I. Природа Русской страны.....	9
Глава II. Откуда идет русское имя?	31
Глава III. История Русской страны с древнейших времен.....	82
Глава IV. Древняя Скифия в своих могилах	123
Глава V. Европейская Сарматия римского века	149
Глава VI. Первые слухи о руси.....	232
Глава VII. Русская летопись и ее сказания о древних временах.....	260
Глава VIII. Заселение Русской страны славянами.....	323
Глава IX. Начало русской самобытности.....	361
Глава X. Устройство отношений с греками	383
Глава XI. Русская женщина первых времен	413
Глава XII. Расцвет русского могущества.....	433
Глава XIII. Языческое верование Древней Руси	467
Глава XIV. Круговорот жизни в языческое время.....	519
Глава XV. Водворение христианства.....	553